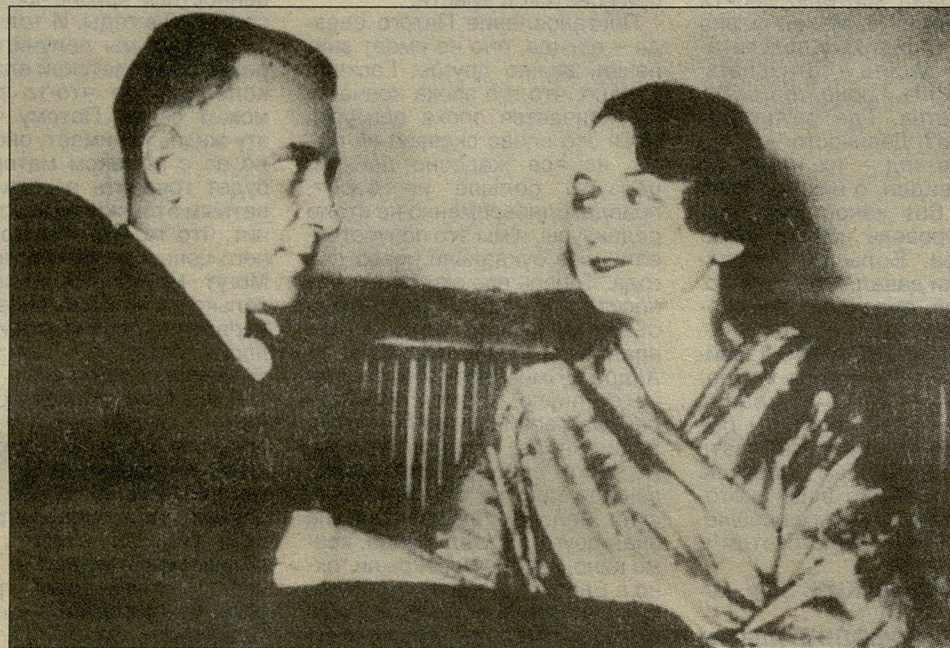

Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Тася

Киноповесть

фельдшеру и разрешила конверт. Фельдшер тем временем просматривал газеты.

— От Михал Афанасьевича? — поинтересовался Михаил у барышни.

— Что вы, это же товарищ Жданович! Сама доброта и справедливость!

— Да что вы говорите?

На Михаила покосился стоящий с подсолнухом в кулаке дезертир — шинель нависла, картуз на затылок. Широкий короткопояс, спокойнo-нахален, ждет и время от времени задает вопросы, не говорит, а только спрашивает и ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню.

Михаил отвернулся от него, и хорошо, — среди сотни незнакомых чужих лиц он увидел знакомое и обрадовался.

На гармошке навивал беззвонный унтер-офицер Василий Кронин. Он был слегка пьян, в шапке валялась мелочь.

Михаил подошел и бросил купюру.

Василий от удивления поднял глаза на дающего.

— Что ж ты, дядя, ушел? А как же латать-лудить?

— Господин доктор! — обрадовался Кронин. — Радость-то какая! Хотя одно лицо среди этих харь. День прошел не зря! Ни в вырвали! Я уж думал, что за банит подошел — последнее отберет.

— Одежду украл. Давно ли с родных мест?

— Да как поправился, так и пошел на заработки. Все мои там остались. Работы нет. А я лишний рот. Вот и вспомнил про гармонь. Немного денег передала в деревню. Да только мало дают.

— А живешь-то где?

— А попошку ко мне — чистая квартира. Со служивец владеет. Места много.

— А я не откажусь! Еще не определился.

— Есть, есть комната. С отдельным ходом. Я вроде при квартире-то и сторожком, чтобы не обнеси ночью. Сослуживец в Эстонию уехал. Кой-что купил — проплет.

Так они и пошли, вернее, шел Михаил, а Василий катил на тележке — с сиденья кресла были ловко приделаны колесики от швейной машинки.

— Тут недалеко. Теперь я далеко не хожу, — говорил Василий, радый нечаянной встрече.

Тася читала. Это был Бунин.

В дверь постучали. Тася нагнула платок, пошла открывать.

Фельдшер вошел с пачкой газет и конвертом.

— Чаю? — спросила Тася.

— Не откажусь, — сказал Тихон Абрамович, присаживаясь за стол. Тася налила чаю себе.

— Там в сарае кто-то есть, — тихо прошептала Тася.

— А мы и посмотрим, — сказал Никифор, цыкнув на пса. Взял шпатель и открыл сарайчик.

Тася вскрикнула.

В пелле, вытянувшись, высунув язык, висел фельдшер. Видимо, агония только закончилась — тело еще покачивалось на веревке. Невероятных размеров язык и выпученные глаза фельдшера, казалось, были предназначены для юмористического представления — хотелось посмеяться окружающих и самому посмеяться.

Тася тихо сползла по стенке сарая.

К вечернему поезду, впрочем, к единственному, уходящему на Питер, Тасю подвез Никифор все на той же многогрудальной телеге. Как ни чинил ее работящий Никифор, как ни шорничал упряжь, все равно было видно, что бедность хозяина заедает.

Никифор подтащил баул с вещами на деревянный перрон и пошел узнавать время прибытия.

Тася присела на баул.

Собирались публика. Особенно суеистились торговцы снедью. Станция находилась между двумя голодными столицами, и крестьяне с окрестных деревень, Абрисово, Парская охота, съезжались прощать еду. Имелось хозяйство, земля, крестьяне продавали мясо, хлеб, сало, творог, масло, картошку, соленья. Мужик, несмотря на невзгоды, все равно стоял крепко на ногах, если не пил и не был обременен большой семьей.

— Уже приближается! — сообщил Никифор и огляделся. Опытным взглядом определил кандидатуру и затеял разговор с господином из простынь.

— Не поможете ли барышне? — кивнул он на Тасю. Господин окинул взглядом "барышню".

— С удовольствием, — охотно согласился он. — Бесплатно, бесплатно, — отмахнулся господин. — Пока не нуждаемся.

А вскоре Тася уже стояла в окне и махала Никифору. Почему-то текли слезы по ее щекам. Жаль было расставаться с этим городком, где был относительный покой, и уезжать хоть и к мужу, но в неизвестность.

Что там переплоти?

Тася знает. Как там сложится жизнь с Михаилом, болтым, неустойчивым. Когда кончится эта самая революция — полнейший хаос и бардак — грабежи, убийства, беспорядки. Когда придет твердая власть и закончат со всем этим и наступит пора тихой счастливой жизни?

На дворе стоял 1919 год от Р.Х. Что будет с ними через год, через два, десять... Кто его знает? Подоспел бы к ней сейчас какой-нибудь безумный прощальщик и сказал бы, что она будет глубокой старухой, в нищете, забывая всеми, брошенная, умрет, поскользнувшись на картофельных очистках, ударившись головой о батарею. А ее Миша, любимый и единственный, умрет еще раньше на руках другой женщины, прекрасной и самоотверженной. И еще, что уже потом, после смерти он получит всемирную известность. Кто бы мог поверить? Только безумец... Но это потом, а пока — битком набитый вагон, мат, крики, слезы, хохот и перестук колес, и мелькание столбов, деревьев, придорожных построек, кривых деревянных уловок.

Впереди голодный, холодный революционный Питер.

Михаил поселился у Кронины окончательно. Небольшая комната с отдельным выходом во двор-колодец, а окно выходило прямо на купола Матвеевской церкви.

Они с Кронными ужинали.

Ужин был прост, но слава Богу, ужин: картофель, хлеб, соленья огурцы.

В дверь позвонили. Медный звонок с надписью: "прошу звонить", который нужно было крутить, и тогда он издавал резкие неприятные звуки, от которых морщился Михаил, всегда возмущался существованию еще какой-то жизни, — кроме тишины обветшалой квартиры и запяленных книг, часть которых отобрал Михаил и сложил рядом с кушеткой для прочтения.

Михаил хотел было пойти открыть, но его опередил Кронин — он ловко соскользнул с кресла и, словно обезьяна, доскалка на руках до двери.

— Что нужно? — громко и грозно спросил Василий.

— Доктора нужно. Доктор дома?

Василий оглянулся.

Михаил кивнул — дома.

Василий открыл огромный засов и в прихожую впустил зловонный матрос, весь при своем — клопты пулеметных крест-на-крест и маузер. Слово слез с картин "бей буржуев и мировых империалистов".

Еще один матрос поддерживал человека с обмотанной полотною головой.

— Доктор? — грозно спросил матрос.

Михаил кивнул и машинально потянулся к своей сумке, где находился дежурный набор: кофеин, камфора, морфия, адреналин, тор-

— А последнее время сомневаться я стал... Что-то у нас не то происходит. Да и ответов на возникающие вопросы я попросту не знаю. А сами, вы что думаете?

— Я могу только провести некоторые аналогии — вот и все. Изыскания на уровне гимназии. Во Франции и головы рубили, и рушили, и сразу же была создана бездна новых административных учреждений, хлынул целый поток декретов, циркуляров, число комиссаров, непременно почему-то комиссаров, и вообще всеяческих властей стало несметное количество — комитеты, союзы, партии росли и пожирали друг друга, образовался новый особый язык, сплошь состоящий из высокочарнейших восклицаний, вперемешку с самой площадной бражкой. Это во Франции... вам не напоминает это современную Россию? А потом все успокоилось.

— Ну да — слабые, дураки, необразованные, не умеющие и не хотящие работать стали бедными, а сильные, умные — опять богатыми...

— Ну вот, вы же правильно поняли. А то все Маркс да Энгельс с Троцким...

— Но это же просто зоология какая-то. Живем по законам джунглей.

— Ну, это в самом начале. А дальше начинается самое интересное. Создаются законы, ограждающие убогих от обид, а сильных от посягательств злых. Это уже не зоология. А церковный институт? Это разве не нравственные законы, требующие неукоснительного соблюдения?

Фельдшер сидел, задумчив и печален.

— Что же вас так вогнало в уныние? — спросила Тася.

— Жизнь кончилась, — кратко ответил фельдшер.

— Что же так быстро. Вы полны сил, достаточно молоды.

— А толку что? Мечталось о высокой любви. Она есть — но не для меня, она проходит мимо. Хотелось покоя и гармонии, но нет — ни гармонии, ни покоя ни в душе, ни в окружающем... Прощайте, Татьяна Николаевна!

— Что же так рано? Сумерки только вот-вот. Пора между волком и собакой.

Самое время.

Фельдшер наклонился, взял дрожащей рукой Тасю, поцеловал и быстро ушел.

Тася, обескураженная, осталась сидеть, позавбав поцелованную руку. Все это показалось ей страшным. Вдруг с улицы раздался свальный крик. Тася подхватила и выбежала на крыльцо — никого во дворе не было. Только псы, сгавтавшиеся, яростно лаяли, а затем протяжно завыв. Становилось жутко. Деверь пологобного сарая покачивался, хотя ветра и не было.

— Никифор! — громко позвала Тася.

— Да, Татьяна Николаевна, тут я — выполз отсюда-то с ведром вечный труженик Никифор.

— Или, выпей, я сейчас, — Габрилов вытесился уже в рукав нужного человека, мужика солидного, значительного.

Михаил взял бокал и встал у стола напротив того, которого звали Горьким. Тот поспеивался, беседа с хорошо одетым молодым человеком, изрядно выпившим...

И тут к ним подбежал тот в желтом, выдвинул стул между ними, выпил и стал закусывать с их тарелок.

Иностранец смотрел на него во все глаза, Горький захохотал.

Поэт повернулся с бокалом и чуть не сел на стол, рядом с которым стоял Михаил.

— Вы меня очень ненавидите? — весело спросил он у Михаила.

— Да, — подтвердил Михаил.

Он уже раскрыл было свой корытообразный рот, чтобы еще что-то сказать, но тут поднялся с намерением сказать тост иностранец, и поэт бросился к нему, к середине стола. А там он вскопчил на стул и похабно заорал:

— Горько! — пытаясь поцеловать иностранца. Тот опеял, но, через секунду оправившись, провозгласил: "Господа!"

Но поэт заорал еще пуще прежнего.

Иностранец сделал еще одну и столь же бесплодную попытку, развел руками и сел.

За столом зашумели неодобрительно, но поэт заглушил их зычным ревом. И мало того: к большому изумлению некоторых вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство и часть зала. Зараженные поэтом, они ни с того ни с сего заорали, стали бить сапогами в пол, кулаками по столам, стали хохотать, выть, визжать и хрюкать.

Кто-то выключил электричество.

Когда включили, то Михаил увидел, что у иностранца из носа течет кровь, и он пытается остановить ее, запрокинув голову и прикладывая смоченный в водке платочек.

Михаил поспешил вон из зала.

А по Невскому проносились правительственные машины с красными флажками, грохотали переполненные грузовики. Отбивали шаг какие-то отряды со знаменами и музыкой. Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях вакиду, неработающими рабочими, гулящей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков папиросками, красными бантами, похабными карточками, слезами.

А на тротуарах был мусор, шелуха подсолнухов.

На кухне кипели два огромных чана с водой. Кронин, зная, подкалывал дрова — какую-то разноматную щепу — обломки кресел, дверей, деревянных кроватей.

— Вода должна кипеть постоянно! Особенно с инструментами, — кратко сказал Михаил.

Был он спокоен и сосредоточен: белый халат, похвер — белый передник, на шее свисала марлевая повязка.

Кронин же нервничал.

Тася лежала на кушетке. Клеенка была покрыта простыней, а другой — сама Тася, до подбородка.

На журнальном столике лежали баллоны, трубки и две маски.

Михаил сел рядом.

Они смотрели друг на друга. Они ничего не хотели сказать друг другу — они и так все знали.

— У тебя совсем глаз не видно, — прошептала Тася. — Начинай!

Михаил надел маску, открыл кран баллона.

Тася глубоко вдохнула несколько раз. Глаза ее стали закрываться, она силится их открыть, стала шевелить губами, силась что-то сказать, но поздно — наркоз сделал свое дело. Сознание покнуло к...

Лицо на фоне простыней стало белым, почти невидимым.

— Василий! — позвал Михаил.

Василий вошел, готовый ассистировать.

— Держи плечи.

Они вдвоем переместили Тасю к торцевому краю кровати, тоже покрытому простыней.

Теперь Тасины ноги свешивались со спинки кровати.

— Таз, вода и инструменты, — сказал Михаил, натягивая резиновые перчатки. Михаил откинул простыню до груди, обматывая перчатки в раствор и погружал руку глубоко в Lontos-терм.

Кронин принес требуемое, установил по месту — таз на пол, инструмент на стул.

— Пот, — сказал Михаил, — вытри пот...

Кронин догадался — пот заливал глаза Михаила, — но ничего поделать не смог, только потянулся к бинтам, как его качнуло, и он рухнул в обморок, чуть не уронив таз с киятником.

— Э, дьявол, — сказал Михаил и вытер пот рукавом.

Резиновая перчатка была в крови, и он невольно испачкал ею халат и шапочку.

Пока Михаил продолжал операцию, Кронин очнулся, но встать не мог, его корчило, живот сводило судорогой, его тошнило, из глаз текли слезы, и он пополз куда-то прочь. Глаза у него

— Там в сарае кто-то есть, — тихо прошептала Тася.

— А мы и посмотрим, — сказал Никифор, цыкнув на пса. Взял шпатель и открыл сарайчик.

Тася вскрикнула.

В пелле, вытянувшись, высунув язык, висел фельдшер. Видимо, агония только закончилась — тело еще покачивалось на веревке. Невероятных размеров язык и выпученные глаза фельдшера, казалось, были предназначены для юмористического представления — хотелось посмеяться окружающих и самому посмеяться.

Тася тихо сползла по стенке сарая.

К вечернему поезду, впрочем, к единственному, уходящему на Питер, Тасю подвез Никифор все на той же многогрудальной телеге. Как ни чинил ее работящий Никифор, как ни шорничал упряжь, все равно было видно, что бедность хозяина заедает.

Никифор подтащил баул с вещами на деревянный перрон и пошел узнавать время прибытия.

Тася присела на баул.

Собирались публика. Особенно суеистились торговцы снедью. Станция находилась между двумя голодными столицами, и крестьяне с окрестных деревень, Абрисово, Парская охота, съезжались прощать еду. Имелось хозяйство, земля, крестьяне продавали мясо, хлеб, сало, творог, масло, картошку, соленья. Мужик, несмотря на невзгоды, все равно стоял крепко на ногах, если не пил и не был обременен большой семьей.

— Уже приближается! — сообщил Никифор и огляделся. Опытным взглядом определил кандидатуру и затеял разговор с господином из простынь.

— Не поможете ли барышне? — кивнул он на Тасю. Господин окинул взглядом "барышню".

— С удовольствием, — охотно согласился он. — Бесплатно, бесплатно, — отмахнулся господин. — Пока не нуждаемся.

А вскоре Тася уже стояла в окне и махала Никифору. Почему-то текли слезы по ее щекам. Жаль было расставаться с этим городком, где был относительный покой, и уезжать хоть и к мужу, но в неизвестность.

Что там переплоти?

Тася знает. Как там сложится жизнь с Михаилом, болтым, неустойчивым. Когда кончится эта самая революция — полнейший хаос и бардак — грабежи, убийства, беспорядки. Когда придет твердая власть и закончат со всем этим и наступит пора тихой счастливой жизни?

На дворе стоял 1919 год от Р.Х. Что будет с ними через год, через два, десять... Кто его знает? Подоспел бы к ней сейчас какой-нибудь безумный прощальщик и сказал бы, что она будет глубокой старухой, в нищете, забывая всеми, брошенная, умрет, поскользнувшись на картофельных очистках, ударившись головой о батарею. А ее Миша, любимый и единственный, умрет еще раньше на руках другой женщины, прекрасной и самоотверженной. И еще, что уже потом, после смерти он получит всемирную известность. Кто бы мог поверить? Только безумец... Но это потом, а пока — битком набитый вагон, мат, крики, слезы, хохот и перестук колес, и мелькание столбов, деревьев, придорожных построек, кривых деревянных уловок.

Впереди голодный, холодный революционный Питер.

Михаил поселился у Кронины окончательно. Небольшая комната с отдельным выходом во двор-колодец, а окно выходило прямо на купола Матвеевской церкви.

Они с Кронными ужинали.

Ужин был прост, но слава Богу, ужин: картофель, хлеб, соленья огурцы.

В дверь позвонили. Медный звонок с надписью: "прошу звонить", который нужно было крутить, и тогда он издавал резкие неприятные звуки, от которых морщился Михаил, всегда возмущался существованию еще какой-то жизни, — кроме тишины обветшалой квартиры и запяленных книг, часть которых отобрал Михаил и сложил рядом с кушеткой для прочтения.

Михаил хотел было пойти открыть, но его опередил Кронин — он ловко соскользнул с кресла и, словно обезьяна, доскалка на руках до двери.

— Что нужно? — громко и грозно спросил Василий.

— Доктора нужно. Доктор дома?

Василий оглянулся.

Михаил кивнул — дома.

Василий открыл огромный засов и в прихожую впустил зловонный матрос, весь при своем — клопты пулеметных крест-на-крест и маузер. Слово слез с картин "бей буржуев и мировых империалистов".

Еще один матрос поддерживал человека с обмотанной полотною головой.

— Доктор? — грозно спросил матрос.

Михаил кивнул и машинально потянулся к своей сумке, где находился дежурный набор: кофеин, камфора, морфия, адреналин, тор-

— Да-да... — господа пришли предупредить. Софа выплыла смущенная, раскрасневшаяся, с несколькими золотыми цепочками в руках, не зная куда их девать.

— Я думаю через время пойдут по другому кругу — так что все равно все реквизируют, что унесут.

— Да, да... Ой, горе горе! Работали, старались, копчили, и на тебе — пьяная матросня все заберет.

Михаил откланялся и двинулся к двери, за ним Василий.

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку.

— Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамовича...

— А надо бы было сплавить ордерок-то.

— Да, — задумчиво сказал Михаил. — Барышень жалко...

— Куда же вы? — засуетился хозяин.

— Пора, пора, — торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку